

БАЛАКШИН А.Б.

**ПЕНЗЕНСКИЕ
АРТИЛЛЕРИЙСКИЕ УЧИЛИЩА
(1937 - 1946)
И
ИХ «БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК»**

воспоминаниях выпускника училища 1941 года А.И. Сокулина, выдержки из которого изложены далее.

Страница биографии

Сокулин Алексей Игнатьевич, гвардии капитан. После демобилизации кандидат технических наук, доцент Саратовского университета [15].

Родился 6 марта 1915 года в Саратове.

Участник Великой Отечественной войны.

С августа 1941 года по декабрь 1941 года учился во 2-м Пензенском артиллерийском училище, которое окончил в звании лейтенанта и был направлен на Калининский фронт. 26 декабря 1941 года он прибыл на Калининский фронт в 16-ю гвардейскую стрелковую дивизию в 44-й гвардейский артиллерийский полк на должность командира огневого взвода.

За боевые заслуги награждён 6 орденами и многими медалями.

Сокулин А.И.

Из воспоминаний А.И. Сокулина:

«Утром приехали в Пензу (Из Саратова. Прим. А.Б.). Училище только-только организовывалось на базе эвакуированного из Ленинграда артиллерийского училища, была большая неразбериха. Нас бесконечное число раз переписывали, при этом каждый раз спрашивали национальность; видимо, выявляли немцев.

Училище было торжественно открыто 5 августа 1941 года на городском стадионе. Был парад. Причём, поскольку обмундированы мы были не полностью, курсанты вышли на парад без гимнастёрок, в нательных рубашках, хлопчатобумажных брюках галифе защитного цвета и кирзовых сапогах.

Распорядок дня был такой. Подъём в 6.00, вместо физзарядки – бегом раздевши до конюшни, которая была примерно в километре от казарм (осенью, в холодную и дождливую погоду это было не особенно приятно, но в то же время закаливало наши молодые организмы). Мы чистили лошадей, задавали им корм, поили. За лошадьми ухаживали по очереди. Другие в это время чистили пушки, третьи – стрелковое оружие. Самым лёгким делом был уход за стрелковым оружием, самым неприятным – за лошадьми, особенно глубокой осенью, в холод и дождь, а приказ был – без шинелей. В одних гимнастёрках, рысью мы бежали по грязи на конюшню. Лошади были зачастую без уздечек, голодные, это было неприятно. Лошади, только что пригнанные из колхозов и совхозов, были худые, задёрганные. Тягостно было смотреть на этих умных и смирных животных.

Дивизионная артиллерия на конной тяге

Я, до сих пор не знавший этих животных, стал привыкать к ним. Как-то мне приказали съездить в центр города на повозке. Я кое-как запряг лошадей (сам!), но на ходу моя упряжь разладилась. Я еле справился с этим поручением. А однажды я верхом куда-то ездил и поставил

лошадь на привязи, дав ей овса. А этого делать никак нельзя было – надо было дожидаться, когда лошадь остынет. У неё начались колики. Командиры дивизиона и батареи всполошились. И вот, я помню, в ветеринарной лечебнице лежит мой коняга на бетонном полу, со вздутым животом, ветврач делает укол, а мы стоим вокруг. Начальство ругает старшину за то, что не проследил за этим. Меня не ругали – понимали, что я городской человек, не знаю элементарных вещей по уходу за лошадьми. Начальство боялось – если сдохнет лошадь, то придётся отвечать. Война! Но всё обошлось благополучно.

После возвращения из конюшни мы умывались и строились на завтрак. Столовая была недалеко. Причём, поскольку помещений не хватало, на приём пищи давали мало времени. Ели в две смены. В столовой были длинные столы, рассчитанные на одно отделение (12-14 человек). Были «лидеры», которые всегда садились вначале стола, откуда начиналась раздача пищи – ставили бачок с жидким или вторым горячим блюдом, сахар и т.д. В этот момент кое-что они выкраивали себе. Часто бывало, что мы не успевали доесть, как уже раздавалась команда «Встать! Выходи строиться!», заставляя, давась куском, доедать на ходу.

Потом – занятия. Началась регулярная учёба. Нас разбили на батареи. Командирами были молодые кадровые офицеры. Были и опытные, среднего возраста офицеры. Занятия поглощали почти всё время. С учётом того, что все курсанты имели законченное среднее образование, дисциплины были только специальные: строевая подготовка, стрелковое оружие, материальная часть (пушки и гаубицы, которые стояли на плацу), топография, амунция, артиллерийские стрельбы, уставы и т.д.

В нашем распоряжении были лошади для верховой езды на учебную разведку, они же – для конной тяги при выезде на учебные стрельбы. Занятия прерывались на завтрак, обед и ужин в столовой, куда мы ходили строем. После обеда полагался мёртвый час, и мы отдыхали. Потом – снова занятия, до ужина. После ужина опять занятия.

Свободного времени оставалось не больше часа-полтора, перед отбоем (в 23.00), когда можно было написать письмо, подшить воротничок, поговорить друг с другом и просто отдохнуть. Не было времени почитать книгу, да и книг-то не было. В общем, совершенно не было времени осознать свою жизнь. Мы так уставали, что после отбоя засыпали мгновенно, и казалось, тут же после отбоя раздавался истошный голос дневального: «Подъём!» Ночь проходила моментально. За всё время в училище я ни разу не видел никаких снов.

Нас мучили частые и тяжёлые наряды. Приходилось поочерёдно дежурить по казарме, ночью мыть полы (тяжёлый наряд), чистить картошку (часто грязную, мёрзлую и в очень большом количестве) на кухне или патрулировать по улице, стоять в карауле у складов и в штабе. Правда, при работе на кухне адовошь наедались.

Наряды в карауле в тёплое время были сносны. Когда же в конце ноября были морозы, а одеты мы были легко (шинель, сапоги с обычными портянками), то стоять 24 часа было холодно. Надо сказать, ночью на карауле очень медленно тянется время. Всегда казалось, что смена запаздывает. Но когда меня сменяли, и я приходил в караульное помещение, то оказывалось, что все правильно. Помню, как в первый раз я встал с винтовкой, заряженной боевыми патронами, у склада. Стоя на посту около дороги, я вынужден был шедшим военнотлужащим резко говорить «Принять левее!», т.к. дорога подходила близко к складу — охраняемому объекту. Я с удовольствием наблюдал, как беспрекословно офицеры, мои начальники, выполняли мои команды. Тогда я впервые понял, что значит иметь в руках боевое оружие.

Особенно тяжелы были наряды по мытью полов. Это выполнялось ночью, когда все спали. Казарма была большая. Надо было принести горячую и холодную воду из котельной и мыть пол всю ночь, ползая под нарами. Не говоря уже ни о чем другом, кое-где под нарами были «лужи» (некоторые курсанты страдали недержанием).

Вспоминаю и ещё один вид наряда — патрулирование по городу. В наряд посылали двоих курсантов (один — старший) с винтовками и боевыми патронами. В основном патруль предназначался для ловли дезертиров. Я тоже был в таком наряде. Ходили по центральным улицам. Прошли на базар, который был у железнодорожного вокзала. На базаре было несколько солдат. Я стал спрашивать документы. У одного документов не оказалось. Я приказал следовать за нами; он отказывался. Я был вынужден пригрозить ему, и поставил винтовку на боевой взвод. Он понял, что с ним не шутят, и пошёл с нами. Мы его сдали в комендатуру. Проходя по улицам, мы заходили в столовые. Это были последние дни перед введением карточной системы, и в столовых было полно народу. Продукты исчезали один за другим. В Пензе появились первые беженцы из западных областей.

Временами были моменты, которые приносили удовлетворение. Например, занятия по тактике, когда мы взводом на верховых лошадях выезжали в окрестности с преподавателем. Но таких занятий было очень мало. Один раз, в ноябре, мы выезжали на учения в условиях, близких к боевым. Выезжали в окрестности города с орудиями на конной тяге, ночевали в палатках, кормились из полевой кухни.

В конце были учебные стрельбы по движущимся танкам. По полигону двигался уменьшенный фанерный макет танка. В него нужно было попасть из

Быстро на новую огневую позицию

орудия прямой наводкой. Но поскольку расстояние было очень небольшим, в ствол орудия вставлялась винтовка, и стреляли пулями. Хотя наводка производилась по-настоящему, орудием.

Нас иногда выстраивали всех в казарме у коек (помещения казарм были большие, койки, вернее, нары – деревянные, двухэтажные). Первое время спали без постельных принадлежностей, на голых досках. Без привычки было неприятно, особенно мне, с выступавшими костями. Но потом привыкли. Нам зачитывали приказы Верховного Главнокомандующего Сталина. Время было тяжёлое. В то время как мы учились, наши войска отступали по всему фронту, неся большие потери. В приказах объявлялось о причинах отступления, о предании суду военачальников, проявивших трусость, о расстреле генералов, допустивших отступление своих частей и т.п. Сейчас-то понятно, что они были не виноваты. Сам Сталин допустил непростительные ошибки и отыгрывался на высших командирах. Конечно, такие приказы действовали на нас не лучшим образом.

Наше учение подходило к концу. Контингент училища состоял в основном из студентов высших и средних учебных заведений, т.е. народа грамотного, и потому срок обучения был минимальным – 4 месяца вместо трёх лет в мирное время. Безусловно, подготовка была скороспелой. Конечно, только войной можно объяснить поспешность обучения, и мы многое прошли кое-как. Практических занятий почти не было, теория не закреплялась. Было некоторое подобие зачётных занятий, нам выставляли оценки. У меня всё прошло сравнительно гладко и только со строевой подготовкой – плохо. Мне назначили дополнительные занятия.

Часто курсантов досрочно отправляли в формировавшиеся части в качестве сержантов. Нас же выпустили лейтенантами и младшими лейтенантами. Выпуск состоялся 5 декабря (в День конституции) в морозный солнечный день, на плацу. Начальник училища, полковник, поздравил нас с офицерским званием. Мне было присвоено звание лейтенанта (два «кубаря» в петлицах гимнастёрки). Некоторым было присвоено звание младшего лейтенанта. Нам выдали новое шерстяное офицерское обмундирование. Помню, как сразу изменились наши отношения с преподавателями, тоже лейтенантами и старшими лейтенантами. Они стали обращаться к нам не «Курсант такой-то», а «Товарищ лейтенант». Вообще в армии звание имеет гораздо большее значение, чем на гражданке.

Вечером, построив нас перед сном в казарме, нам зачитали приказ о назначении на какой фронт. Помню, как прозвучали в гулкой казарме слова: «Лейтенант Сокулин – Калининский фронт!» В то время на Калининском фронте шли тяжёлые бои, хотя в то время такие бои шли везде. Тогда мне это назначение не особенно понравилось, хотя кто скажет, где будет лучше, где хуже?

На Калининский фронт нас ехала группа, человек двенадцать-пятнадцать. У старшего были документы и талоны, по которым мы получали питание в пути. Ехали в тяжёлых условиях. Обмундированы мы были не по-фронтовому. Нам выдали нашу гражданскую одежду, в которой мы прибыли в училище.

У меня это была летняя железнодорожная форма. Отправились мы не сразу — как обычно, на станции были какие-то затруднения с билетами.

Путешествие до места назначения — это целая эпопея. Ехали в нетопленных пассажирских вагонах, было жутко холодно. Спали на голых полках в шинелях и шапках. Питались плохо. Обычно на станциях действовали продпункты, где на талоны давали продукты — хлеб, сахар, консервы. Иногда, если была столовая, кормили обедом с баландой и кашей. На железной дороге царил беспорядок, вызванный войной. Двигались мы медленно, с частыми остановками.

Завелась вошь, а поскольку ехали очень скученно, и негде было раздеться, эта гадость нам причиняла много беспокойства. До сих пор, как вспомню, ужас берёт. Это нельзя объяснить тому, кто этого не испытывал. Вошь нас грызла день и ночь. Особенно, как согреешься в вагоне, так и вовсе житья нет. Ехали скученно, негде было стряхнуть с себя эту кишашую массу. В то время на станциях была масса войск, которые двигались в разных направлениях.

Поскольку в районе Москвы шли бои, мы ехали окружным путём. Наш путь от Пензы шёл через Саранск, Арзамас, Муром, Иваново, Ярославль, Рыбинск, Бежецк. Дальше Бежецка (западнее Ярославля километров на сто пятьдесят) поезда не ходили. В Иваново я впервые увидел, как на вокзале в холодный зал вносили на носилках раненых с фронта, с санитарного поезда, укрытых шинелями, стонущих, перевязанных пропитанными кровью бинтами. Это зрелище каждому напомнило о возможной ближайшей перспективе. Я с грустью подумал, что вот это меня ожидает в лучшем случае. Так оно впоследствии и вышло.

Помню, в конце пути, в Ярославле, мне удалось переночевать на вокзале в комнате отдыха для транзитных пассажиров, каким-то чудом ещё функционирующей. Я ночевал в постели с чистыми простынями, в нижнем белье. Утром я быстренько ушёл из комнаты отдыха, т.к. на простыне после меня осталось много отвратительных насекомых.

Однажды мы встретили эшелон с артиллерийской частью, ехавшей на фронт. Среди военнослужащих были наши товарищи-курсанты, которых отозвали из Пензенского артиллерийского училища в срочно формирующиеся части. Им присвоили младшие командирские должности сержантов и старших сержантов. Они с завистью смотрели на нас, имевших офицерские звания. Одеты они были по-фронтовому, в телогрейках, тёплых шинелях и валенках.

Утром приехали по железной дороге в Бежецк. Тихий провинциальный городок. Дальше Бежецка мы ехали в штаб фронта на попутных машинах, а где и пешком, по просёлочным дорогам. Стояли сильные морозы, и на ветру в кузове было очень холодно. Помню, в это время на Калининский фронт перебрасывались части, в том числе и лошади, которых тоже перевозили на машинах. Обычно по три лошади в кузове. Торопились, поскольку в это время шло успешное наступление немецких войск на Москву, начатое 5 декабря. Я, стоя между лошадьми, прижимался к их заиндевевшим гривам, спасаясь от жгучего ветра, пронизывавшего насквозь. Без лошадей я бы что-нибудь себе отморозил. Помню, как проходили пешком какое-то село. Был тихий

морозный вечер, топились избы, на улице играли ребятишки. Такая мирная жизнь, я невольно позавидовал ребятишкам.

Путь на машинах проходил через Калинин, Торжок. Помню Калинин, который я проезжал на следующий день после освобождения его от фашистских войск. Впервые я увидел город, в котором недавно шли бои. Взорванный мост, металлические фермы, рухнувшие в Волгу. Двухэтажный деревянный дом со снесённой взрывом стеной, обнажавшей неказистую мебель, детские игрушки, утварь. Кое-где ещё лежали трупы. Воочию увидел я тяжёлые следы войны.

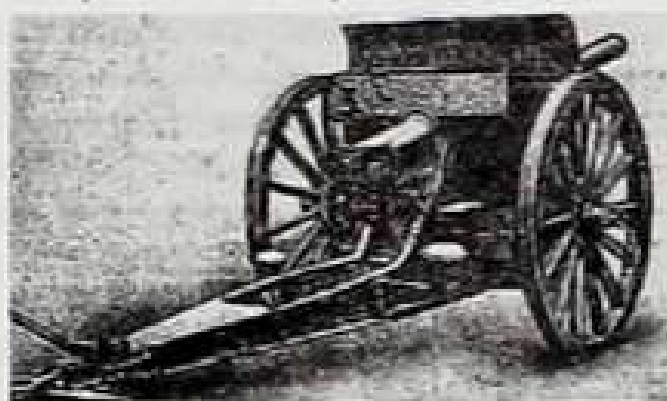
В конце концов, через 2 недели, мы добрались до штаба Калининского фронта, который стоял в маленьком городке Кувшиново. Там нашу группу разбили на несколько более мелких и распределили по действующим армиям. Человек пять попало в 11 Гвардейскую армию. Нашу подгруппу направили в штаб армии, а затем меня и ещё одного лейтенанта (фамилию не помню) — в штаб 16-ой Гвардейской Стрелковой дивизии (эти номер и наименование были присвоены ей позже за успешные боевые действия, а в то время у неё был другой номер, и она не была ещё Гвардейской). В штабе артиллерии дивизии начальник штаба, благодушный подполковник, украинец, побеседовал с нами в чистой комнатке деревенской избы. Потом пришёл начальник артиллерии дивизии, серьёзный полковник (фамилия как будто татарская). Помню, как мы слышали через тонкую перегородку их разговор. Подполковник спрашивал, куда, дескать, будем этих котят девать? Начальник отвечал, вот будут потери, они пополнят. Нас направили в 44 артиллерийский полк. Как сейчас помню, в штаб полка мы попали под Новый год.

В это время полк поддерживал огнём наступление пехотной части. Но наступление вышло неудачное. В штабе полка нервничали, ругались по телефону, подсчитывали убитых и раненых. Новогоднюю ночь мы с товарищем провели на голом полу в пустой комнате — штаб находился в здании сельской школы. Невольно мысли были о проведении Нового года прежде, дома, среди сверстников, с музыкой, вином и молодыми девушками. Так я встретил Новый 1942 год.

Утром нас оформили. Мне дали направление во 2-й дивизион, товарищу — в другой. Потом нас направили в службу тыла полка, где нас ожидала приятная процедура — мы вымылись в бане, сбросили своё грязное вшивое бельё, получили чистое тёплое бельё, новое зимнее офицерское обмундирование (полушубок, валенки, меховую теплогрейку, суконную гимнастёрку и шаровары).

Нас накормили хорошим ужином и дали 100 грамм. Я был наверху блаженства. Это невозможно рассказать словами. Тело грызли насекомые, бельё не менялось 3 недели, и вдруг такое блаженство! На следующий день вечером я был в крестьянской избе, где со мной беседовал командир дивизиона майор Кучеренко. Строгий, умный, волевой и, как потом подтвердилось, справедливый военачальник. Мы сидели с ним за столом и пили чай с мёдом. Он был после бани, и хозяйка дома угощала его чаем. Он меня расспрашивал обо мне. Поздно вечером меня подвезли к назначенной мне 4-й батарее, где я должен был служить командиром огневого взвода.

Приехав на батарею, я не увидел ни пушек, ни людей. Батарея размещалась в редком лесочке, пушки были хорошо замаскированы. Я заметил только часовых. Весь личный состав находился в землянках. Всё это было мне в новинку. Я влез в землянку, как в нору. Она представляла собой «помещение» размером 2х2,5 метра, высотой 1,20-1,30 м, перекрытое одним рядом брёвнышек и засыпанное землёй. Вход закрывался плащ-палаткой. Уровень пола был ниже уровня земли примерно на 0,8 – 1,0 м. В землянке лежали вповалку мои новые сослуживцы – командир огневого взвода, старший на батарее, ординарцы. Мы тут же познакомились. Я стал отвечать на многочисленные вопросы, т.к. только что прибыл из тыла, и для них это было интересно. Помню, что этот вечер и наступающая ночь были с 6 на 7 января, т.е. ночь перед Рождеством. Мне дали место, и я улёгся, накрывшись лёгким одеялом.

Вот она, старушка, 76-мм пушка
обр. 1905/30 г. (Прим. А.Б.)

Батарея состояла из четырёх орудий калибра 76 мм. Пушки были старые, образца 1905 года. Колеса деревянные, с шинами, тяга конная.

Не успели мы согреться и уснуть, как зазвонил телефон, и прозвучала команда «Приготовиться к маршу!» Тут началась общая суматоха, в которой я плохо ориентировался. Я ещё не знал своих солдат и вообще ничего не знал о практической боевой жизни. Все выбежали из землянки. Подали лошадей. Орудия готовили в походное положение, приводили в порядок зарядные ящики (в которых держится боекомплект снарядов). Искали недостающие ваги для зацепки орудия. Грузили на поданные повозки немудрёное имущество, личные вещи, одеяла, пилы и топоры, катушки с проводом, телефонный аппарат и т.д.

Наконец батарея двинулась из леса к дороге. В то время наша часть стояла в обороне недалеко от истоков реки Волги у посёлка Селижарово. Наше наступление было продолжением общего наступления под Москвой, начатого 5 декабря 1941 года и закончившегося 22 декабря. На нашем участке наступление пехоты было очень стремительным. Немецкие войска отступали, бросая всё. Редкие дороги, глубокие снега и морозы препятствовали продвижению нашей артиллерии. Мы двигались день и ночь, по несколько суток не спали. Я сам, идя за орудием, засыпал на ходу. Выматывались ужасно. Помню, как первый раз видел убитого солдата, лежащего среди снега, недалеко от дороги, и нехорошая мысль пронзила меня.

Первый бой, когда наши пушки стреляли – у населённого пункта и железнодорожной станции Пено. В тот раз меня поразила (потом я привык) обстановка на батарее во время боя. Огонь вели с закрытых позиций (когда батарея закрыта или лесом, или постройками, или находится в ложбине и непосредственно с переднего края не видна). Команда по стрельбе

передаётся с наблюдательного пункта по телефону (иногда по рации). Команды старшего на батарее, команды командиров взводов, команды командиров орудий... Все кричат громким, жёстким голосом. Беготня солдат, подающих снаряды, грохот выстрелов – всё это создаёт особую обстановку, в которой всё личное подчинено этой адской работе.

Ещё жарче бывает, когда противник обстреливает батарею артиллерийским или миномётным огнём. Запомнились мне бои за железнодорожные станции Пено, Охват, Андреаполь и Торопец. Помню, как в Торопце я видел место немецкого пулемётчика, защищённое сложенными треугольником (в плане) шпалами. Внутри была гора стреляных гильз высотой в метр!».

(Биографию см. далее)

Батарея занимает открытую огневую позицию

Сокулин Алексей Игнатьевич, гвардии капитан.

Выписка из автобиографии [15].

«Родился 6 марта 1915 года в гор. Саратове. Окончив 8 классов средней школы в Саратове, в 1931 году поступил в Саратовский строительный техникум имени Ленина.

В мае 1935 года окончил техникум, получив диплом техника-строителя гражданских и технических сооружений. В июне 1935 года поступил работать техником на строительство жилых домов в организацию «Аэрофлот». Закончив строительство, поступил работать техником-сметчиком на строительство Сара-

товского завода шарикоподшипников, где и проработал до июля 1936 года. В июле 1936 года перешел на работу в архитектурно-планировочную мастерскую Саргосовета. Одновременно в сентябре 1936 года поступил на Саратовское отделение Московского заочного института силикатно-строительной промышленности.

В августе 1937 года поступил работать в проектную контору Рязано-Уральской железной дороги в гор. Саратове, где работал сначала старшим техником-конструктором, а впоследствии инженером-конструктором.

В мае 1941 года я окончил 5 курсов строительного института. В июле 1941 года был мобилизован в Красную Армию.

С августа 1941 года по декабрь 1941 года учился во 2-м Пензенском Артиллерийском училище, которое окончил в звании лейтенанта и был направлен на Калининский фронт.

26 декабря 1941 года прибыл на Калининский фронт в 16 гвардейскую стрелковую дивизию, в 44 гвардейский артиллерийский полк на должность командира взвода. В октябре 1942 года был награжден орденом Красного Знамени и получил звание старшего лейтенанта.

В марте 1943 года я был переведен на должность командира батареи. В июле 1943 года награжден орденом Отечественной войны I степени. В ноябре 1943 года я получил звание капитана. В августе 1944 года я сдал 4-ю батарею и принял 6-ю гаубичную батарею. В ноябре 1944 года награжден орденом Красная Звезда. В марте 1945 года награжден орденом Отечественной войны II степени. В апреле 1945 года награжден орденом Красного Знамени.

В боях под Кенигсбергом 5 апреля 1945 года был тяжело ранен и потерял левый глаз. В госпитале находился до 9 июня 1945 года, после чего вернулся в свою часть. В ходе войны наша дивизия была на различных фронтах: Калининском, Западном, 3 Белорусском и др., участвовала в боях за города Торонец, Велиж, Ржев, Орша, Карачев, Инстербург, Кенигсберг и др.

В апреле 1946 года был демобилизован из рядов РККА, приехал в Саратов и поступил в проектную контору Рязано-Уральской железной дороги, где и работаю

Батарея 122-мм гаубиц ведёт огонь

до сего времени в качестве старшего инженера-конструктора, имея звание инженер-майора пути и строительства.

12 июля 1951 г. Сокулин.»

В 1957 году А.И. Сокулин перешел на преподавательскую работу на строительный факультет Саратовского автодорожного института. Кандидат технических наук, доцент кафедры «Строительные конструкции и основания сооружений». За боевые заслуги награжден 6 орденами и многими медалями.

